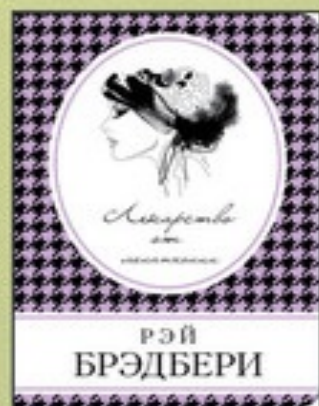

Рэй Брэдбери

Улыбка

*Часть сборника
Лекарство от меланхолии
(сборник)*

Annotation

«На главной площади очередь установилась еще в пять часов, когда за выбеленными инеем полями пели далекие петухи и нигде не было огней. Тогда вокруг, среди разбитых зданий, клочьями висел туман, но теперь, в семь утра, рассвело, и он начал таять. Вдоль дороги по двое, по трое подстраивались к очереди еще люди, которых приманил в город праздник и базарный день.

Мальчишка стоял сразу за двумя мужчинами, которые громко разговаривали между собой, и в чистом холодном воздухе звук голосов казался вдвое громче. Мальчишка притопывал на месте и дул на свои красные, в цыпках руки, поглядывая то на грязную, из грубой мешковины одежду соседей, то на длинный ряд мужчин и женщин впереди...»

-
- [Рэй Брэдбери](#)

- -
-

Рэй Брэдбери

Улыбка

Ray Bradbury
The Smile

© Л. Жданов, наследники, 2016

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

На главной площади очередь установилась еще в пять часов, когда за выбеленными инеем полями пели далекие петухи и нигде не было огней. Тогда вокруг, среди разбитых зданий, ключьями висел туман, но теперь, в семь утра, рассвело, и он начал таять. Вдоль дороги по двое, по трое подстраивались к очереди еще люди, которых приманил в город праздник и базарный день.

Мальчишка стоял сразу за двумя мужчинами, которые громко разговаривали между собой, и в чистом холодном воздухе звук голосов казался вдвое громче. Мальчишка притопывал на месте и дул на свои красные, в цыпках руки, поглядывая то на грязную, из грубой мешковины одежду соседей, то на длинный ряд мужчин и женщин впереди.

– Слышь, парень, ты-то что здесь делаешь в такую рань? – сказал человек за его спиной.

– Это мое место, я тут очередь занял, – ответил мальчик.

– Бежал бы ты, мальчик, отсюда, уступил бы свое место тому, кто знает в этом толк!

– Оставь в покое парня, – вмешался, резко обернувшись, один из мужчин, стоящих впереди.

– Я же пошутил. – Задний положил руку на голову мальчишки. Мальчик угрюмо стряхнул ее. – Просто подумал, чудно это – ребенок, такая рань, а он не спит.

– Этот парень знает толк в искусстве, ясно? – сказал заступник, его фамилия была Григсби. – Тебя как звать-то, малец?

– Том.

– Наш Том, уж он плюнет что надо, в самую точку – верно, Том?

– Точно!

Смех покотился по шеренге людей.

Впереди кто-то продавал горячий кофе в треснувших чашках. Поглядев туда, Том увидел маленький жаркий костер и бурлящее варево в ржавой кастрюле. Это был не настоящий кофе. Его заварили из каких-то ягод, собранных на лугах за городом, и продавали по пенни чашка – согреть желудок, но мало кто покупал, мало кому это было по карману.

Том устремил взгляд туда, где очередь пропадала за разваленной взрывом каменной стеной.

– Говорят, она *улыбается*, – сказал мальчик.

– Ага, улыбается, – ответил Григсби.

– Говорят, она сделана из краски и холста.

– Точно. Потому-то и сдается мне, что она не подлинная. Та, настоящая, – я слышал – была на доске нарисована в незапамятные времена.

– Говорят, ей четыреста лет.

– Если не больше. Коли уж на то пошло, никому не известно, какой сейчас год.

– Две тысячи шестьдесят первый!

– Верно, так говорят, парень, говорят. Брешут. А может, трехтысячный! Или пятидесятилетний! Почему мы можем знать? Сколько времени одна сплошная катавасия была... И достались нам только рожки да ножки.

Они шаркали ногами, медленно продвигаясь вперед по холодным камням мостовой.

– Скоро мы ее увидим? – уныло протянул Том.

– Еще несколько минут, не больше. Они огородили ее, повесили на четыре латунных столбика бархатную веревку, все честь по чести, чтобы люди не подходили слишком близко. И учти, Том, никаких камней, они запретили бросать в нее камни.

– Ладно, сэр.

Солнце поднималось все выше по небосводу, неся тепло, и мужчины сбросили с себя измазанные дерюги и грязные шляпы.

– А зачем мы все тут собрались? – спросил, подумав, Том. – Почему мы должны плевать?

Григсби и не взглянул на него, он смотрел на солнце, соображая, который час.

– Э, Том, причин уйма. – Он рассеянно протянул руку к карману, которого уже давно не было, за несуществующей сигаретой. Том видел это

движение миллион раз. – Тут все дело в ненависти, ненависти ко всему, что связано с Прошлым. Ответь-ка ты мне, как мы дошли до такого состояния? Города – груды развалин, дороги от бомбежек – словно пила, вверх-вниз, поля по ночам светятся, радиоактивные... Вот и скажи, Том, что это, если не последняя подлость?

– Да, сэр, конечно.

– То-то и оно... Человек ненавидит то, что его сгубило, что ему жизнь поломало. Так уж он устроен. Неразумно, может быть, но такова человеческая природа.

– А есть хоть кто-нибудь или что-нибудь, чего бы мы не ненавидели? – сказал Том.

– Во-во! А все эта орава идиотов, которая заправляла миром в Прошлом! Вот и стоим здесь с самого утра, кишки подвело, стучим от холода зубами – новые троглодиты, ни покурить, ни выпить, никакой тебе утехы, кроме этих наших праздников, Том. Наших праздников...

Том мысленно перебрал праздники, в которых участвовал за последние годы. Вспомнил, как рвали и жгли книги на площади, и все смеялись, точно пьяные. А праздник науки месяц тому назад, когда притащили в город последний автомобиль, потом бросили жребий, и счастливицы могли по одному разу долбануть машину кувалдой!..

– Помню ли я, Том? Помню ли? Да ведь я же разбил переднее стекло – стекло, слышишь? Господи, звук-то какой был, прелесть! Тррахх!

Том и впрямь словно услышал, как стекло рассыпается сверкающими осколками.

– А Биллу Гендерсону досталось мотор раздолбать. Эх, и лихо же он это сработал, прямо мастерски. Бамм! Но лучше всего, – продолжал вспоминать Григсби, – было в тот раз, когда громили завод, который еще пытался выпускать самолеты. И отвели же мы душеньку! А потом нашли типографию и склад боеприпасов – и взорвали их вместе! Представляешь себе, Том?

Том подумал.

– Ага.

Полдень. Запахи разрушенного города отравляли жаркий воздух, что-то копошилось среди обломков зданий.

– Сэр, это больше никогда не вернется?

– Что – цивилизация? А кому она нужна? Во всяком случае, не мне!

– А я так готов ее терпеть, – сказал один из очереди. – Не все, конечно, но были и в ней свои хорошие стороны...

– Чего зря болтать-то! – крикнул Григсби. – Все равно впустую.

– Э, – упорствовал один из очереди, – не торопитесь. Вот увидите: еще появится башковитый человек, который ее подлатает. Попомните мои слова. Человек с душой.

– Не будет этого, – сказал Григсби.

– А я говорю, появится. Человек, у которого душа лежит к красивому. Он вернет нам – нет, не старую, а, так сказать, ограниченную цивилизацию, такую, чтобы мы могли жить мирно.

– Не успеешь и глазом моргнуть, как опять война!

– Почему же? Может, на этот раз все будет иначе.

Наконец и они вступили на главную площадь. Одновременно в город въехал верховой, держа в руке листок бумаги. Огороженное пространство было в самом центре площади. Том, Григсби и все остальные, копя слюну, подвигались вперед – шли, изготовившись, предвкушая, с расширившимися зрачками. Сердце Тома билось часто-часто, и земля жгла его босые пятки.

– Ну, Том, сейчас наша очередь, не зевай!

По углам огороженной площадки стояло четверо полицейских – четверо мужчин с желтым шнурком на запястьях, знаком их власти над остальными. Они должны были следить за тем, чтобы не бросали камней.

– Это для того, – уже напоследок объяснил Григсби, – чтобы каждому досталось плюнуть по разку, понял, Том? Ну, давай!

Том замер перед картиной, глядя на нее.

– Ну, плюй же!

У мальчишки пересохло во рту.

– Том, давай! Живее!

– Но, – медленно произнес Том, – она же красивая!

– Ладно, я плюну за тебя!

Плевок Григсби блеснул в лучах солнца. Женщина на картине улыбалась таинственно-печально, и Том, отвечая на ее взгляд, чувствовал, как колотится его сердце, а в ушах будто звучала музыка.

– Она красивая, – повторил он.

– Иди уж, пока полиция...

– Внимание!

Очередь притихла. Только что они бранили Тома – стал как пень! – а теперь все повернулись к верховому.

– Как ее звать, сэр? – тихо спросил Том.

– Картину-то? Кажется, «Мона Лиза»... Точно – «Мона Лиза».

– Слушайте объявление, – сказал верховой. – Власти постановили, что сегодня в полдень портрет на площади будет передан в руки здешних

жителей, дабы они могли принять участие в уничтожении.

Том и ахнуть не успел, как толпа, крича, толкаясь, мечась, понесла его к картине. Резкий звук рвущегося холста... Полицейские бросились наутек. Толпа выла, и руки клевали портрет, словно голодные птицы. Том почувствовал, как его буквально швырнули сквозь разбитую раму. Слепо подражая остальным, он вытянул руку, схватил клочок лоснящегося холста, дернул и упал, а толчки и пинки вышибли его из толпы на волю. Весь в ссадинах, одежда разорвана, он смотрел, как старухи жевали куски холста, как мужчины разламывали раму, поддавали ногой жесткие лоскуты, рвали их в мелкие-мелкие клочья.

Один Том стоял притихший в стороне от этой свистопляски. Он глянул на свою руку. Она судорожно притиснула к груди кусок холста, пряча его.

– Эй, Том, ты что же! – крикнул Григсби.

Не говоря ни слова, всхлипывая, Том побежал прочь. За город, на испещренную воронками дорогу, через поле, через мелкую речушку. Он бежал и бежал, не оглядываясь, и сжатая в кулак рука была спрятана под куртку.

На закате он достиг маленькой деревушки и пробежал через нее. В девять часов он был у разбитого здания фермы. За ней, в том, что осталось от силосной башни, под навесом, его встретили звуки, которые сказали ему, что семья спит – спит мать, отец, брат. Тихонько, молча он скользнул в узкую дверь и лег, часто дыша.

– Том? – раздался во мраке голос матери.

– Да.

– Где ты болтался? – рявкнул отец. – погоди, вот я тебе утром всыплю...

Кто-то пнул его ногой. Его собственный брат, которому пришлось сегодня в одиночку трудиться на их огороде.

– Ложись! – негромко прикрикнула на него мать.

Еще пинок.

Том дышал уже ровнее. Кругом царил тишина. Рука его была плотно-плотно прижата к груди. Полчаса лежал он так, зажмурив глаза.

Потом ощутил что-то: холодный белый свет. Высоко в небе плыла луна, и маленький квадратик света полз по телу Тома. Только теперь его рука ослабила хватку. Тихо, осторожно, прислушиваясь к движениям спящих, Том поднял ее. Он помедлил, глубоко-глубоко вздохнул, потом, весь ожидание, разжал пальцы и разгладил клочок закрашенного холста.

Мир спал, освещенный луной.

А на его ладони лежала Улыбка.

Он смотрел на нее в белом свете, который падал с полуночного неба. И тихо повторял про себя снова и снова: «Улыбка, чудесная улыбка...»

Час спустя он все еще видел ее, даже после того, как осторожно сложил ее и спрятал. Он закрыл глаза, и снова во мраке перед ним – Улыбка. Ласковая, добрая, она была там и тогда, когда он уснул, а мир был объят безмолвием, и луна плыла в холодном небе сперва вверх, потом вниз, навстречу утру.